

УДК 903.6

DOI: 10.17223/19988613/42/21

А.А. Тишкин

НОВЫЕ НАХОДКИ «ОЛЕННЫХ» КАМНЕЙ В МОНГОЛИИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПАНЦИРЯ И МЕЧА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ

(проект № 16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»).

«Оленные» камни являются важными источниками для изучения системы жизнеобеспечения древних кочевых народов Центральной Азии. Значительное их число сосредоточено в Монголии и на сопредельных северных территориях, включая Алтай и его предгорья. При изучении таких изваяний выявлен основной комплекс вооружения: кинжал, чекан, лук в горите. Еще фиксируются топоры, боевые ножи и щиты. По поводу наличия других видов вооружения вопросы поднимались редко. В связи с этим особое значение имеют находки «оленных» камней, дополняющие имеющиеся сведения. В местности Энхтайван уул (Архангайский аймак Монголии) было скопировано небольшое изваяние, на всех гранях которого имеются вертикальные и горизонтальные линии, передающие контуры крупных панцирных пластин. В ходе проведения обследований в долине р. Годон-Гол (Баян-Ульгийский аймак Монголии) обнаружен «оленный» камень с изображением меча. Такие же предметы вооружения оказались на нескольких аналогичных изваяниях в Ховдском аймаке Монголии.

Ключевые слова: Монголия; «оленный» камень; копирование; вооружение; панцирь; меч.

«Оленные» камни уже на протяжении многих десятилетий являются важными источниками для изучения древней истории Евразии. Значительное их число сосредоточено в Монголии [1, 2] и на сопредельных северных территориях, включая Алтай [3–5 и др.]. Исследователями уже неоднократно отмечались локальные особенности изготовления и использования таких изваяний. Несмотря на то что сведения об этом формируются уже длительное время, процесс накопления информации, необходимой для всесторонних сопоставлений, еще продолжается. Имеющиеся в научной литературе точки зрения по поводу происхождения и оформления «оленных» камней, зафиксированных в разных регионах, в основном сложились во второй половине прошлого века [1–7 и др.]. В них отражены результаты работы, значительной по своему объему. Особенно впечатляет многолетняя целенаправленная деятельность отечественного археолога В.В. Волкова [1, 2 и др.].

В настоящее время процесс выявления и изучения «оленных» камней в Центральной Азии продолжается. В него активно включены монгольские археологи, а также их иностранные коллеги (из Японии, Франции, России и других стран). Исследования в основном проводились и реализуются на уже известных комплексах в центре Монголии [8–10 и др.]. При этом сделаны и новые открытия. Появились разные возможности для фиксации изваяний и изображений на них. Что касается Западной Монголии и, в частности, Монгольского Алтая, то на данной территории такая научная работа осуществлялась sporadически и несистемно. Определенное обобщение было сделано в ходе выявления памятников историко-культурного наследия в Баян-Ульгийском аймаке Монголии, среди которых обозначена серия «оленных» камней [11, 12]. Аналогичная деятельность намечена и реализуется в соседнем

Ховдском аймаке. Однако выполнить такой проект довольно сложно из-за значительного количества археологических памятников. Хотя уже имеются определенные результаты по первичному обобщению [2, 13] и дальнейшему документированию «оленных» камней [14–16 и др.]. Следует отметить, что часть Монгольского Алтая входит в состав Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. И там зафиксированы «оленные» камни, которые находятся в музеях и парках, а также рядом с археологическими объектами [17–20 и др.]. Изучение более западных памятников [21] также имеет важное значение для решения ряда исторических проблем и реконструкции культуры центральноазиатских народов аржано-майэмурского времени.

С 2007 г. Буянтская российско-монгольская археологическая экспедиция, организованная Алтайским (Россия), Ховдским и Улан-Баторским (Монголия) университетами, под руководством автора статьи осуществляла целенаправленные изыскания древних изваяний с внедрением различных методов их детального документирования. В результате получен объемный материал, требующий пристального рассмотрения. Исследования проводились в Западной и Центральной Монголии, а также в Синьцзяне. Дополнительно фиксировались уже известные объекты, а также выявлены десятки ранее неизвестных «оленных» камней, связанных с погребально-поминальными или мемориальными комплексами либо находящимися вне них. Особое значение имеют находки, дополняющие сведения о первоначальном месте древних изваяний в ранний период формирования культуры кочевников (1-я треть I тыс. н.э.). К сожалению, существенное количество обелисков оказалось перемещено, переиспользовано и разбито. Такая ситуация затрудняет их продуктивное изучение.

Среди изображений, имеющих на «оленных» камнях, особое значение имеют предметы вооружения. Массовые материалы демонстрируют основной комплекс боевых средств: кинжал, чекан, лук в горите. Кроме этого, фиксируются топоры, а также отмечены, по всей видимости, боевые ножи. Определенное время шла дискуссия по поводу интерпретации выбитых рисунков так называемых пятиугольных решетчатых фигур. Однако сейчас совершенно понятно, что это изображение щитов. В этом плане можно указать серию публикаций, среди которых свою последовательную позицию продемонстрировала М.А. Дэвлет [22, 23 и др.]. По поводу наличия другого защитного вооружения и иных видов наступательного оружия вопросы поднимались редко. Новые находки «оленных» камней позволяют обозначить проблему дальнейшего изучения военного дела носителей центральноазиатских культур ранних кочевников на уже имеющейся основе [2–5, 24, 25 и др.].

Особое значение в данном плане имеет небольшое изваяние, обнаруженное в местности Энхтайван уул (Батцэнгэл сомон Архангайского аймака Монголии) Т.-О. Идэрхангаем, ныне преподавателем Улан-Баторского университета. В 2014 г. оно было детально

сфотографировано и скопировано на микалентную бумагу участниками Буянтской российско-монгольской археологической экспедиции [26]. Этот «оленный» камень (рис. 1) отличается от большинства тем, что вместо изображений животных на всех его гранях обозначены вертикальные и горизонтальные линии, передающие доспех воина. Из других реалий изображены подвеска и «ожерелье», переданное двойной линией, а также «серьга» на правой грани обелиска (рис. 1). Первоначально «оленный» камень лежал на плиточной могиле, недалеко от которой расположен херексур. На то место, где он стоит в настоящее время, его переместили совсем недавно. Размеры изваяния следующие: высота (до вкопанной части) – 137 см; ширина – 29 см; толщина – 18 см. Географические координаты места нынешнего расположения, полученные с помощью GPS-приемника, такие: N – 47°46.769'; E – 101°59.931'. Высота над уровнем моря зафиксирована тем же прибором и составила 1 425 м. «Оленный» камень произвольно установлен Т.-О. Идэрхангаем в местности Энхтайван уул, расположенной в 2,5 км от сомонного центра Батцэнгэл, на берегу Хойт-Тамира, неподалеку от его слияния с р. Урд-Тамир.

Рис. 1. Энхтайван уул. «Оленный» камень с изображениями панцирных пластин, микалентная копия (фото автора)

Обнаруженные новые свидетельства о защитном вооружении, впервые зафиксированные на «оленном» камне в виде изображений панцирных пластин, требуют специального рассмотрения и детального анализа. Перспективы дальнейшего изучения защитного вооружения ранних кочевников в свое время были обозначены Э.А. Новгородовой [27].

Следующий памятник, о котором пойдет речь, обозначен как Годон-Гол-VII. Он зафиксирован в 2015 г. участниками Буянтской российско-монгольской экспедицией в Баян-Ульгийском аймаке Монголии в ходе плановых обследований территории у границы с Китаем. Объект представляет собой одиночный херексур, который расположен в 4 км к востоку от правого берега

р. Годон-Гол (Хотон-Гол). Его географические координаты такие: N – 48°31.905', E – 088°54.933'. Курган находится на холме, посередине небольшого плато, являющегося участком второй надпойменной террасы указанной реки. Общий диаметр каменного сооружения составляет 27 м, максимальная высота – 1,1 м. Диаметр центральной насыпи – 16 м. Вокруг нее фиксируется кольцо шириной до 1,2 м. Пространство между кольцом и насыпью выложено мелким плитняком, образующим своеобразную «платформу». С востока на фоне этого заполнения (от насыпи к кольцу) просматривается «луч»-дорожка, оформленная с использованием камней белого цвета. Его длина – 3 м, ширина – 0,4 м. Рядом с херексуром с северо-западной стороны располагается дуга из пяти поминальников в виде каменных колец. К юго-восточной части кургана (вплотную к кольцу) примыкает прямоугольная выкладка. У северо-западной полы насыпи «лицом» вниз лежал «оленный» камень. Он представляет собой обработанный валун серо-коричневого цвета (рис. 2, а–г). Верхняя часть изваяния искусственно закруглена, а лицевая грань заметно уплощена. Вокруг верхней части, в 9 см от макушки, выбита полоса шириной до 2 см, обозначающая повязку или маркирующая головной убор. Ниже оформлено «ожерелье» из 23 бусин с застежкой. Бусины изображены в виде лунок овальной формы. Их средние размеры 3,7х2,3 см.

Лицевая грань имеет длину 112 см, максимальную ширину 43 см. На ней выбиты три полосы, шесть бусин и меч (рис. 2, б). Полосы расположены диагонально слева (верх) направо (низ), параллельно друг другу. Верхняя полоса размерами 10,5х1,4 см, средняя – 11х1,5 см, нижняя – 11,5х1,5 см. Общая ширина этой комбинации составила 6 см. Меч наклонен справа налево, рукоятью вверх, клинком вниз. Он имеет общую длину 39 см. Длина клинка – 30,5 см, максимальная ширина его у основания – 2,5 см. Перекрестие прямое, с закругленными окончаниями (длина 7,5 см, ширина до 1,5 см). Рукоять прямоугольная, длиной 4 см, шириной 1,5 см. Навершие округлое, диаметром 3 см. Окончание клинка меча на 3 см заходит на левую сторону, а навершие немного занимает часть противоположной грани.

Правая грань имеет длину 110 см, максимальную ширину 39 см. На ней выбиты шесть бусин, серьга и чекан (рис. 2, а). Серьга округлой формы, размерами 13,5х13 см. Ширина кольца до 1,7 см. Чекан расположен почти вертикально, бойком вверх. Общая длина древка 14,2 см, ширина до 1,7 см. Рукоять до бойка занимает 12,2 см и выступает за него на 0,5 см. Ее окончание имеет небольшое расширение. Общая длина бойка 7 см. У него выделяются клинок килевидной формы (длина 4,3 см, ширина 1 см) и закругленный обух, выступающий на 1 см, шириной 1,5 см.

Левая грань имеет длину 112 см, максимальную ширину 43 см. На ней выбита серьга, шесть бусин и горит (рис. 2, в). Серьга округлой формы, диаметром 13 см. Ширина кольца до 1,7 см. Горит расположен наклонно слева направо, луком вверх. Общая его длина 24 см. Футляр имеет прямоугольную форму, с небольшим сужением ко дну, размерами 10,5х2,7 см. Выступающая часть лука по тетиве изображена длиной 7 см (по кибити 8 см). Окончание кибити изогнуто, образуя плечо и небольшой рог. Расстояние от тетивы до кибити составляет 1,7 см, ширина их выбивки 0,5–0,7 см. У днища футляра выбита кисть треугольной формы высотой 4 см, шириной по основанию 3,5 см.

Задняя грань имеет длину 117 см, максимальную ширину 34 см. На ней выбиты пять бусин и застежка (рис. 2, г). Последняя округлой формы, диаметром 5,5 см. Расстояние от нее до линии головного убора или повязки составляет 13 см.

Подробно представленный «оленный» камень очень важен для исследований, так как демонстрирует редкое изображение такого вида оружия, как меч (рис. 2, а). Аналогичные предметы вооружения оказались всего на нескольких древних изваяниях, обнаруженных в Баян-Ульгийском [12. Табл. 6, 13] и Ховдском [2. Табл. 126] районах.

Существенное количество мечей в 2015 г. зафиксировано участниками Буянтской экспедиции на комплексе Нууртын дэв, расположенном в Муст сомоне примерно в 17 км от поселка Баян зурх по дороге на северо-запад. Судя по имеющимся сообщениям, памятник был зафиксирован преподавателем Ховдского государственного университета Б. Батмунхом [13] и расположен высоко в горах (2 821 м над ур. м. по GPS-приемнику). Географические координаты памятника, полученные с помощью навигатора, такие: N – 46° 39.804'; E – 092° 05.809' (±4 м). В ходе обследований рядом никаких других археологических объектов не выявлено. Складывается впечатление, что каменные стелы туда привезли для устройства мемориального комплекса. Ряд из полуповаленных стел ориентирован по линии юг–север. Нумерация им дана с севера. В монографии Б. Батмунха [Там же. С. 55–56] обозначены пять «изваяний». Однако у двух из них лежали плиты, которые тоже оказались «оленными» камнями.

Таким образом, комплекс включает семь «оленных» камней, на трех из которых, кроме традиционных изображений предметов вооружения, отмечены изображения мечей («оленные» камни № 5–7). Введение их в научный оборот – задача следующей публикации. Здесь лишь продемонстрируем один меч (рис. 3), скопированный на микалентную бумагу. Выявленная серия находок «оленных» камней с мечами обозначает направление их отдельного и детального изучения.

Рис. 2. Годон-Гол-VII. «Оленный» камень с изображением меча и других реалий (фото автора)

Рис. 3. Нууртын дов. «Оленный» камень № 6.
Сторона с изображением меча, микалентная копия (фото автора)

Работа, проделанная участниками Буянтской российско-монгольской археологической экспедиции по выявлению «оленных» камней, дала важные результаты, которые расширяют сведения о культуре населения Монгольского Алтая и сопредельных территорий в аржано-майэмйское время. Необходима реализация дальнейшей программы по их документированию. Следует отметить, что в Туве при проведении археологических раскопок увеличилось количество «оленных» камней [28–30 и др.]. На Алтае такой процесс практически прекратился, хотя можно отметить отдельные эпизоды, связанные с изучением подобных изваяний. В частности, участниками Буянтской экспедиции впервые произвели копирование хорошо известного Чуйского «оленного» камня на микалентную бумагу. Перспективными могут стать изыскания на территории Западного и Юго-Западного Алтая в Казахстане.

Традиционно считается, что существует несколько ареалов распространения уже обозначенных (демонстрационных) типов «оленных» камней (монголо-забайкальский, саяно-алтайский и т.д.). Отмечено их пересечение. В настоящее время есть возможность рассмотрения данной ситуации в контексте социально-политического развития народов, населявших Центральную Азию (в российском географическом понимании этого региона) в так называемое аржано-майэмйское время. По всей видимости, на данной территории формировались, по сути, самые ранние формы кочевой империи, которая имела центр, периферию и периферию. Такой подход обеспечит новые возможности для оценки многочисленных археологических памятников, включая древние изваяния.

Важно в такой связи применить современные ГИС-технологии. Дополнительным аспектом изучения «оленных» камней должна стать единая и детальная классификация таких объектов. Выявление общих, особенных и единичных признаков обеспечит возможности для разработки датирования с учетом других имеющихся методов.

Исследователями отмечено, что «оленные» камни Монгольского Алтая в своем большинстве связаны с херексурами, у которых фиксируются «лучи»-дорожки [14. С. 100]. Данная тенденция подтверждалась и в ходе работ Буянтской экспедиции. В Центральной Монголии значительное количество монументальных «скульптур» связано с крупными мемориальными комплексами [10], которые были посвящены павшим воинам (это места почитания доблести и осуществления ритуальных действий). Такого рода памятники встре-

чаются и на территории Монгольского Алтая (например, в долине Годон-Гола, в Баян-Ульгийском аймаке). Но их не так много. Часть подобных мемориалов имеет меньшие размеры, а их сооружение носит несколько иной характер.

Наиболее важными источниками изучения «оленных» камней в разных районах Центральной Азии являются изображения на них. Актуальность детальной фиксации обусловлена многими проблемами, возникающими при рассмотрении реалий, а также при реконструкции и сопоставлении с обнаруженными изделиями (как правило, случайными находками). Решение таких задач обеспечивает комплекс появившихся методов документирования. Для дальнейших продуктивных исследований нужна консолидация усилий специалистов в рамках совместной международной программы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор : Изд-во Академии наук МНР, 1981. 253 с.: ил.
2. Волков В.В. Оленные камни Монголии. М. : Научный мир, 2002. 248 с.
3. Диков Н.Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1958. 108 с.
4. Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск : Наука, 1979. 120 с.
5. Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1994. 208 с.
6. Ковалев А.А. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М. : Геос, 2000. С. 138–180.
7. Тишкин А.А. Оленные камни Центральной Азии и изображения на них: Обзор существующих интерпретаций и новые открытия // Творчество в археологическом и этнографическом измерении. Омск : Издательский дом «Наука», 2013. С. 222–228.
8. Takahama Shu, Hayashi Toshio, Kawamata Masanori, Matsubara Ryuji, Erdenebaatar D. Preliminary Report of the Archaeological Investigations in Ulaan Uushig I (Uushgiin Ovoo) in Mongolia // Bull. of Archaeology, the Univ. of Kanazawa. 2006. Vol. 28. P. 61–102.
9. Жаргалантын амны буган хошоод (Deer stones of the Jargalantyn am). Улаанбаатар: NOMKHUR, 2011. 192 т. (на монг. и англ. яз.).
10. Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Рукавишников И.В. Состав и композиция сооружений ритуального комплекса с оленными камнями Ушкийн-Увэр (по результатам исследований 2013 г.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 1. С. 82–92.
11. Турбат Ц. Оленные камни Западной части Монгольского Алтая // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. Томск : Томск. ун-т, 2008. Вып. 2. С. 223–233.
12. Төрбат Ц., Баяр Д., Цэвэндорж Д., Баттулга Ц., Баярхуу Н., Идэрхангай Т., Жискара П.Х. Монгол Алтайн археологийн дурсгалууд-I Баян-өлгий аймаг. Улаанбаатар: Өнгөт хэлэл, 2009. 424 т. (на монг. яз.).
13. Бантмунх Б. Монгол Алтай нуруулны тов хэсгийн археологийн дурсгалууд. Улаанбаатар : БИТПИРЕСС, 2008. 141 т. (на монг. яз.).
14. Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Две традиции ритуального использования оленных камней Монголии // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул : Азбука, 2007. С. 99–105.
15. Тишкин А.А. Выявление, документирование и изучение «оленных» камней в долине Буянта (Монгольский Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 1 (7). С. 73–90.
16. Тишкин А.А. «Оленные» камни в долине Бодонча (Монгольский Алтай) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2011. Вып. 2. С. 256–265.
17. Ван Бо. Обзор оленных камней Синьцзяна // Каогусюэ цзикань. 1995. № 9. С. 239–260 (на кит. яз.).
18. Ван Бо, Ци Сяошань. Сычоу чжи лу цаоюань шижэнь яньцзю (Исследование каменных антропоморфных изваяний степей на Шелковом пути). Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2010. (Сычоу чжи лу яньцзю цуншу; Серия по исследованиям Шелкового пути) (на кит. яз.).
19. Синьцзян вэйуэр цычжицзю вэньу цзюй (Бюро культурного наследия Синьцзян-Уйгурского автономного района). Синьцзян цаоюань шижэнь ю лущи (Каменные бабы и оленные камни степей Синьцзяна). Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2011. (Синьцзян вэйуэр цычжицзю ди сань ци цюаньго вэньу пуча чэнго цзичэн; Собрание результатов третьей общегосударственной кампании учета объектов культурного наследия в Синьцзян-Уйгурском автономном районе).
20. Тишкин А.А., Чжан Л. «Оленные» камни в западных отрогах Монгольского Алтая (Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 131–135.
21. Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей раннего железа. М. : Наука, 2005. 299 с.: 156 ил.
22. Дэвлет М.А. Щиты и их изображения на оленных камнях // Проблемы современной археологии. М. : Таус, 2008. С. 96–124.
23. Дэвлет М.А. Еще раз об интерпретации решетчатых фигур на оленных камнях // Археология Южной Сибири. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2012. Вып. 26. С. 123–130.
24. Худяков Ю.С., Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии (II тысячелетие – III в. до н.э.). СПб. : Филологический факультет СПбГУ, Нестор-История, 2011. 172 с., ил. (Historia Militaris).
25. Тишкин А.А. Изображения предметов вооружения на «оленных» камнях Монгольского Алтая // Роль войны и военного дела в развитии древних и средневековых обществ. М. : Ин-т археологии РАН, 2012. С. 28–29.
26. Тишкин А.А., Мухарева А.Н., Идэрхангай Т.-О. Реализация программы изучения «оленных» камней // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. Барнаул : Азбука, 2014. Вып. 1. С. 95–98.
27. Новгородова Э.А. К вопросу о древнем центрально-азиатском защитном вооружении // Соотношение древних культур Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Наука, 1975. С. 223–228.
28. Çugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz : Verlag Philipp von Zabern, 2010. 330 S. +153 Taf.

29. Чугунов К.В. Дискретность постройки «царских» мемориалов Тувы и хронология раннескифского времени // Terra Scythica. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 358–369.
30. Рукавишников И.В. Архитектура и последовательность сооружения ритуально-погребального комплекса алды-бельской культуры // Со-временные решения актуальных проблем евразийской археологии. Банаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 217–221.

Tishkin Aleksey A. Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: tishkin210@mail.ru

NEW FINDINGS OF “DEER” STONES IN MONGOLIA DEPICTING AN ARMOR AND A SWORD.

Keywords: Mongolia; «deer» stone; copying; weaponry; armour; shield.

“Deer” stones are an important source to study the life supporting system of the ancient nomadic peoples of Central Asia. A significant number of them are concentrated in Mongolia and adjacent territories. Despite the fact that the information about these stone sculptures dated from the 1st half of the 1 millennium BC has been accumulated for many decades, the process of obtaining the data necessary for comprehensive reconstruction is still ongoing. Available in the scientific literature points of view on the design of “deer” stones were mainly formed in the 2nd half of the previous century. They reflect the results, significant in their scope. The process outlined the main complex weapons, demonstrated in the studied sculptures: a dagger, an ax hammer, a bow in a gorytos. In addition, we can mention an ax and probably a fighting knife. For some time there was a discussion about the interpretation of the images of so-called pentagonal lattice figures. Now, however, it is quite clear that this is the image of shields. With regard to the presence of other protective arms and other offensive weapons, few issues have been raised. Currently, the process of identifying and studying of “deer” stones in Central Asia continues. It actively involved Mongolian archaeologists, as well as their foreign counterparts (from Japan, France, Russia and other countries). Research is mainly carried out and implemented in the already well-known complexes in the centre of Mongolia. At the same time, and new discoveries have been made. There are different possibilities to fix the statues and images of them. In the course of work, the Buyant Russian-Mongolian archaeological expedition headed by the author of this article since 2007 carried out research using various methods of detailed documentation of ancient sculptures and produced a significant volume of materials requiring careful study. Of particular importance are the findings of “deer” stones complementing the existing information on weaponry. So in the area of the Enhtayvan uul (Arkhangai aimag in Mongolia) the copy of a small statue was made, where all the faces have vertical and horizontal lines conveying the contours of large armored plates. In 2015, the investigation in the Godon Gol valley (Bayan-Ulgii aimag of Mongolia) discovered a “deer” stone with a picture of a sword. The same pieces of weaponry were depicted on the several similar sculptures in the Hovd aimag in Mongolia. The urgency of their detailed fixation is determined by many problems that arise while considering the realities, doing the reconstruction and making comparison with the found objects (usually random findings). The solution of such problems provides a set of available documentation methods.

REFERENCES

1. Volkov, V.V. (1981) *Olennye kamni Mongolii* [The Deer stones of Mongolia]. Ulaanbaatar: Academy of Sciences of Mongolia.
2. Volkov, V.V. (2002) *Olennye kamni Mongolii* [The Deer stones of Mongolia]. Moscow: Nauchnyy mir.
3. Dikov, N.N. (1958) *Bronzovyy vek Zabaykal'ya* [The Bronze Age of Transbaikalia]. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ.
4. Kubarev, V.D. (1979) *Drevnie izvayaniya Altaya (Olennye kamni)* [The Altai ancient statues (The Deer stones)]. Novosibirsk: Nauka.
5. Savinov, D.G. (1994) *Olennye kamni v kul'ture kochevnikov Evrazii* [The deer stones in the culture of the Eurasian nomads]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
6. Kovalev, A.A. (2000) O proiskhozhdenii olennykh kamney zapadnogo regiona [On the origin of deer stones in the western region]. In: Olkhovskiy, V. S. (ed.) *Arkheologiya, paleoekologiya i paleodemografiya Evrazii* [Archaeology, paleoecology and paleodemography in Eurasia]. Moscow: Geos. pp. 138-180.
7. Tishkin, A.A. (2013) Olennye kamni Tsentral'noy Azii i izobrazheniya na nikh: Obzor sushchestvuyushchikh interpretatsiy i novye otkrytiya [The deer stones in Central Asia and images on them: The review of interpretations and new discoveries]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Tvorchestvo v arkheologicheskoy i etnograficheskoy izmerenii* [Creativity in terms of archaeology and ethnography]. Omsk: Nauka. pp. 222-228.
8. Shu, T., Toshio, H., Masanori, K., Ryuji, M. & Erdenebaatar, D. (2006) Preliminary Report of the Archaeological Investigations in Ulaan Uushig I (Uushigiin Ovur) in Mongolia. *Bulletin of Archaeology, the Univ. of Kanazawa*. 28. pp. 61-102.
9. Zhargalantyn amny bugan khoshood [Deer stones of the Jargalantyn am]. (2011) Ulaanbaatar: NOMKHUR.
10. Kovalev, A.A., Erdenebaatar, D. & Rukavishnikova, I.V. (2016) A ritual complex with deer stones at Uushigiin Uvur, Mongolia: Composition and construction stages (based on the 2013 excavations). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 1. pp. 82-92. DOI: 10.17746/1563-0110.2016.44.1.082-092
11. Turbat, Ts. (2008) Olennye kamni Zapadnoy chasti Mongol'skogo Altaya [Deer stones in Western Mongolian Altai]. In: Ozheredov, Yu.I. (ed.) *Kul'tury i narody Severnoy Azii i sopredel'nykh territoriy v kontekste mezhdisziplinarnogo izucheniya* [Cultures and peoples of North Asia and neighboring territories in the context of interdisciplinary study]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 223-233.
12. Törbat, Ts., Bayar, D., Tsevendorzh, D., Battulga, Ts., Bayarkhuu, N., Iderkhangay, T. & Zhiskar, P.Kh. (2009) *Mongol Altayn arkheologiyin Dursgaluud-I Bayan-olgiy aymag*. Ulaanbaatar: Öngöt khelel. (In Mongolian).
13. Bantmunkh, B. (2008) *Mongol Altay nuruulny tov khesgiyn arkheologiyin dursgaluud*. Ulaanbaatar: BITPRESS. (In Mongolian).
14. Kovalev, A.A. & Erdenebaatar, D. (2007) Dve traditsii ritual'nogo ispol'zovaniya olennykh kamney Mongolii [Two traditions of ritual use of deer stones in Mongolia]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Kamennaya skulptura i melkaya plastika drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii* [The stone sculpture and small plastic of the ancient and medieval peoples of Eurasia]. Barnaul: Azbuka. pp. 99-105.
15. Tishkin, A.A. (2013) Vyyavlenie, dokumentirovanie i izuchenie “olennykh” kamney v doline Buyanta (Mongol'skiy Altay) [Identifying, documenting and studying deer stones in the valley Buyant (Mongolian Altai)]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. 1(7). pp. 73-90.
16. Tishkin, A.A. (2011) “Olennye” kamni v dolin Bodoncha (Mongol'skiy Altay) [The deer stones in the valleys Bodoncha (Mongolian Altai)]. In: Kharinskiy, A.V. (ed.) *Drevnie kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri* [Ancient cultures of Mongolia and Baikal in Siberia]. Irkutsk: ISTU. pp. 256-265.
17. Wang Bo. (1995) Obzor olennykh kamney Sin'tszyana [Overview of Xinjiang deer stones]. *Kaogusyue tszikan'*. 9. pp. 239-260.
18. Wang Bo, Qi Xiaoshan. (2010) *Sychou chzhi lu tsayuan' shizhen' yan'tszyu* [The study of the stone anthropomorphic sculptures in the steppes along the Silk Road. Urumchi: Sin'tsyzan zhen'min' chubanshe.
19. Bureau of Xinjiang Cultural Heritage. (2011) *Sin'tsyzan tsayuan' shizhen' yu lushchi* [Stone images and deer stones]. Beijing: Kesyue chubanshe.
20. Tishkin, A.A. & Chzhan, L. (2014) “Olennye” kamni v zapadnykh otrogakh Mongol'skogo Altaya (Sin'tsyzan-Uygurskiy avtonomnyy rayon Kitaya) [Deer stones in the western spurs of the Mongolian Altai (Xinjiang China)]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Drevnie i srednevekovye izvayaniya Tsentral'noy Azii* [Ancient and medieval sculptures in Central Asia]. Barnaul: Altai State University. pp. 131-135.
21. Olkhovskiy, V.S. (2005) *Monumental'naya skulptura naseleniya zapadnoy chasti evraziyskikh stepey rannego zheleza* [Monumental sculpture in the western part of Eurasian steppes in the early Iron Age]. Moscow: Nauka.

22. Devlet, M.A. (2008) Shchity i ikh izobrazheniya na olennykh kamnyakh [Shields and their images on deer stones]. In: Munchaev, R.M. et al. *Problemy sovremennoy arkheologii* [Problems of Modern Archeology]. Moscow: Taus. pp. 96-124.
23. Devlet, M.A. (2012) Eshche raz ob interpretatsii reshetchatykh figur na olennykh kamnyakh [Once again on the interpretation of lattice pieces on deer stones]. In: *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archeology of Southern Siberia]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 123-130.
24. Khudyakov, Yu.S. & Erdene-Ochir, N. (2011) *Voennoe delo drevnikh kochevnikov Mongolii (II tysyacheletie – III v. do n.e.)* [Military arts of ancient nomads in Mongolia (the 2nd millennium – the 3rd century BC)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
25. Tishkin, A.A. (2012) Izobrazheniya predmetov vooruzheniya na “olennykh” kamnyakh Mongol'skogo Altaya [Images of armaments on the Deer stones in the Mongolian Altai]. In: Gulyaev, V.I. (ed.) *Rol' voyny i voennogo dela v razviti drevnikh i srednevekovykh obshchestv* [The role of war and military arts in the development of ancient and medieval societies]. Moscow: Institute of Archeology RAS. pp. 28-29.
26. Tishkin, A.A., Mukhareva, A.N. & Iderkhangay, T.-O. (2014) Realizatsiya programmy izucheniya “olennykh” kamney [The program of the study of Deer stones]. In: Derevyanko, A.P. & Kiryushin, Yu.F. (eds) *Mezhdistsiplinarnoe izuchenie arkheologii Zapadnoy Sibiri i Altaya* [The interdisciplinary study of the archeology of Western Siberia and Altai]. Barnaul: Azbuka. pp. 95-98.
27. Novgorodova, E.A. (1975) K voprosu o drevnem tsentral'no-aziatskom zashchitnom vooruzhenii [On the ancient Central Asian armature]. In: Okladnikov, A.P. (ed.) *Sootnoshenie drevnikh kul'tur Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [The relations of ancient cultures of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: Nauka. pp. 223-228.
28. Chugunov, K.V., Parzinger, H. & Nagler, A. (2010) *Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva* [The Scythians Prince's Kurgan Arzan 2 in Tuva]. Mainz: Verlag Philipp von Zabern.
29. Chugunov, K.V. (2011) Diskretnost' postroyki “tsarskikh” memorialov Tuvy i khronologiya ranneskifskogo vremeni [Discreteness of the “royal” memorials in Tuva and the history of the early Scythian time]. In: Molodin, V.I. & Hansen, S. (eds) *Terra Scythica*. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography RAS. S. 358–369.
30. Rukavishnikova, I.V. (2013) Arkhitektura i posledovatel'nost' sooruzheniya ritual'no-pogrebal'nogo kompleksa aldy-bel'skoy kul'utry [The architecture and sequence of the Aldy-Belsky ritual and funerary complex]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziyskoy arkheologii* [Modern solutions for urgent problems of Eurasian archeology]. Barnaul: Altai State University. pp. 217-221.